

Глава 1

Вождь клана умер.

Полковника Оуэна Макньютона, который был отцом для своего народа, тем, кто строго, но справедливо правил им тридцать лет, не стало.

Заупокойная служба закончилась, из церкви вышла группа людей и ручейком потянулась к расположенному неподалеку зданию внушительного вида, где он жил с дочерью.

Дорога поднималась пологим склоном, и можно было во всей красе созерцать великолепную постройку на фоне сурового шотландского пейзажа, особенно прекрасного сейчас, в июне, когда стояла ясная, солнечная погода.

Ола, самая близкая родственница усопшего, с трудом сдерживала рыдания, вместе со всеми навеки покидая своего отца, с которым провела пять последних лет, прошедших со дня смерти матери.

Темно-рыжие волосы высокой девушки, возглавлявшей скорбную процессию, несомненно привлекали бы

к себе внимание, не будь они тщательно убраны под пуританскую шляпку. Лицо ее имело множество противоречивых черт. Она отличалась красотой: большие зеленые глаза, широкий благородный рот. Но сейчас лик Олы был строг, как будто в этот скорбный день любые помыслы о прекрасном противоречили этому миру.

За нею шел следующий вождь клана, Джонас Макньютон, с женой и множеством детей. Да, Ола унаследовала немалое состояние отца, но деньги клана, дом и земли переходили непосредственно следующему вождю.

Скоро девушке придется покинуть Бен Торрак, дикий, прекрасный уголок севера Шотландии, с самого рождения служивший ей домом, и найти собственное место в мире. Вождь разговаривал с ней вежливо, проявляя сочувствие, однако она знала — Джонас ждет, когда она объявит о своем отъезде.

Был приготовлен поминальный обед, в соответствии с традицией — щедрый. Оуэн Макньютон угощал друзей в последний раз. Ола проявила себя идеальной хозяйкой, и все сказали, что старик ушел как подобает.

Лишь один человек, казалось, остался недоволен. От внимания Олы не укрылось, что Джонас смотрел на угощения со сдержанным пренебрежением.

— Я бы не стал так тратить, — фыркнул он.

— Отец всегда был щедрым по отношению к соседям, — с вызовом произнесла Ола и ушла прежде, чем он успел углубиться в эту тему.

Впрочем, Джонасу слово «щедрый», похоже, не было знакомо. Слуги знали его и смотрели на мужчину с некоторым беспокойством. Никому не хотелось служить у него.

Горничная Олы, Грета, была настроена особенно решительно.

— Служить этому червяку после ваших матери и отца? Ну уж нет!

Грета походила родом из небольшого германского княжества Саксен-Кобург-Гот и служила горничной еще матери Олы, Хелене, тоже родившейся там. Во время своей единственной поездки за границу молодой Оуэн полюбил Хелену, женился на ней и привез жену домой, в Шотландию. Верная Грета тоже поехала.

Когда-то Грета работала в знатных семьях, у аристократов, а однажды даже у родственников королевской фамилии, но оставила блеск высшего света, чтобы последовать за любимой хозяйкой в «это дикое место», как она всегда называла Шотландию.

После смерти Хелены два года назад она осталась при Оле. Горничная была тощей, плоскогрудой женщиной с непреклонным лицом, но за грозной внешностью скрывалось сердце, добрее которого не сыскать во всем мире.

— Когда будете уезжать из этого дома, — сказала она Оле, — обязательно возьмите меня с собой, потому что если я останусь здесь, то я его, наверное, пристрелю.

Грета всегда говорила прямо, то, что думала.

— Конечно, вы поедете со мной, — ответила ей Ола. — Я же без вас не смогу. Жаль только, не знаю, куда податься. — Девушка тоскливо вздохнула. — Если бы папа не заболел, сейчас мы уже ехали бы в Лондон на празднование золотого юбилея правления королевы Виктории.

Как они мечтали об этой поездке, как готовились к ней! Живя в горах, Ола совсем не видела общества и была почти полностью лишена развлечений, но папа обещал ей — они проведут в городе самое меньшее две недели, чтобы увидеть все парады и процессии.

Отец очень огорчился из-за того, что подвел дочь, когда болезнь в конце концов одолела его, но он собирался поправиться в скором времени, чтобы увидеть хоть какие-то торжества.

Макньютон отказался даже отменять заказ в гостинице — боялся потерять номер, ведь в эти дни в Лондоне ожидался невиданный наплыв гостей со всего света.

— Не отменяй заказ, моя дорогая, — говорил он Оле, — мы поедем туда.

Но сделать это было не суждено.

Лежа на смертном одре, Макньютон сказал дочери:

— Милая, мне хочется, чтобы ты поехала в Лондон, как мы планировали.

— О нет, папа! Могу ли я сейчас думать о развлечениях?

— Но я этого хочу. Ты здесь совсем не видишь веселья. Тебе уже двадцать четыре, и ты должна была выйти в свет много лет назад, однако обстоятельства сложились против тебя. Еще давно мы с матерью собирались отвезти тебя в Лондон на дебют, но она заболела. А с ее смертью окончилась и моя жизнь. Только в этом году я смог превозмочь горе, чтобы что-то сделать, однако, как оказалось, слишком поздно. Теперь я жалею, что был таким эгоистом.

— Пожалуйста, папа, не говорите так. Подумаешь, не съездила я в Лондон!

— Нет, это важно. Тебе жить в этом мире, и еще не поздно начать строить свою судьбу. Ты красива, и у тебя есть деньги. Поезжай, развлекайся, как мы и хотели. Делай все, что мы собирались делать вместе, и помни обо мне.

Ола заплакала, но Макньютон взял с нее обещание, сказав:

— Повинуйся мне, дочь!

В первый раз ее добрый отец потребовал беспрекословного послушания, и она не смогла отказать ему.